

12+

Олег Лубски

Сказки дядюшки  
Вилюса  
о Старой Риге



Олег Лубски

**Сказки дядюшки  
Вилюса о Старой Риге**

«Издательские решения»

**Лубски О.**

Сказки дядюшки Вилюса о Старой Риге / О. Лубски —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672822-6

Добрые взрослые сказки, но для всех. По воспоминаниям о временах, которые прошли, но не закончились, а продолжают по-другому. О городе, в котором сейчас не живу, но который дал и взял многое. Такая она — Рига Старая и остальная.

ISBN 978-5-00-672822-6

© Лубски О.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| От автора                         | 6  |
| От издателя                       | 8  |
| Сказки                            | 9  |
| Сказка первая:                    | 10 |
| Сказка вторая:                    | 12 |
| Сказка третья:                    | 14 |
| Сказка четвёртая:                 | 16 |
| Сказка пятая:                     | 18 |
| Сказка шестая:                    | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Сказки дядюшки Вилюса о Старой Риге

**Олег Лубски**

*Дизайнер обложки Олег Лубски*

*Консультант Энн Уотер*

*Корректор Илана Петрова*

*Иллюстратор Олег Лубски*

© Олег Лубски, 2026

© Олег Лубски, дизайн обложки, 2026

© Олег Лубски, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0067-2822-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## От автора



Как автору этой книги, мне захотелось сохранить немного волшебную дистанцию и оставить сказочность на первом плане — «дядюшка Вилюс» в этом сборнике как рассказчик уместнее.

Эти сказки родились из воспоминаний о моём дедушке — Вилюсе. Я узнал его имя из паспорта своего отца, из отчества. Папин папа не рассказывал мне сказок в обычном смысле. И не водил по улицам Старой Риги, проговаривая: «Слушай, как шумит ветер над Вецригой. Слышишь? Это не просто ветер — это голоса прошлого».

Ему этого не дали сделать самым чудовищным образом, но это точно другая история, потому что она не сказочная...

Я начал слышать, замечать, запоминать окружающее меня, увы, без него.

Но генетика срабатывает, в это я искренне верю. Поэтому с тех пор я ношу с собой эти истории — о затопленных тротуарах, грибных поездах, голосах под плиткой, спусках вниз и подъёмах вверх, первых девчонках. Когда я начал их запоминать или записывать их, мне хотелось, чтобы они звучали не только как личная память, но и как сказки, которые может услышать каждый. Вот почему в этих сказочных историях мой дедушка по папе стал дядюшкой Вилюсом.

Это имя — чуть-чуть волшебное. Возможно, так бы его называли соседи, если бы он смог дожить до седины. С таким именем он как будто выходит за пределы семьи — становится хранителем сказок, добрым проводником по улицам города, где я провёл своё детство.

Но для меня он всегда был и останется конечно же просто — дедушка Вилюс.

Я рад, что теперь он может стать и вашим дядюшкой. Пусть он расскажет вам, как Рига жила и живёт, разными чувствами, но всё время движется вперёд...

*Олег Лубски,*

*автор*



## От издателя

Есть две крайние точки зрения на то, как относиться к прошлому. Одни говорят, что прошлое — то, что должно учить, то, на что нужно постоянно оглядываться. Другие говорят, что про прошлое вообще нужно забыть, мол, «Живите сегодняшним днем, думайте о завтрашнем, планируйте на завтра».

Я не хочу быть судьей и философствовать на тему «А где же тут золотая середина?». Мне кажется, и то, и другое ошибочно. Я про крайние точки.

У каждого момента из прошлого — это, знаете, такая своя правда. И поэтому в этой книге нет смысла искать ни то, ни другое. Я опять про крайние точки. Она о прошлом как о личном опыте, который никого не должен учить. Поэтому и в форме сказок.

Это как книжка воспоминаний, превращённая в сказки, которые годятся как для взрослых, так и для детей школьного возраста. Я буду искренне рад, если найдётся хоть один читатель, кому эта книжка окажется по душе. Я почувствую себя не одиноким, и издателем, и автором.

Заранее спасибо каждому такому читателю.

*Олег Лубски,  
издатель,  
Издательский дом «Не читать!»*





**Сказки  
дядюшки  
Вилюса  
о  
Старой  
Риге**

Это не просто книга — это воскрешение целого мира, бережно собранного из памяти, любви и настоящей нежности. Он живёт строками и абзацами в каждом фонаре, флюгере, шпиле, скамейке, киоске, доме и транспортных средствах, которые автор оживил. В этом смысле Старая Рига и люди, её наполнявшие, никогда не старые, пока мы вспоминаем, помним и мечтаем...

## Сказка первая: Как Вода хотела забрать Ригу

*Посвящается всем, кто тонул, но всплывал. По мотивам сильного  
рижского наводнения начала ноября 1969 года.*

— Место: Набережная Даугавы и улицы Старой и нестарой Риги, затопленные во время наводнения.

— Тема: Сила памяти и упрямство города, который не сдаётся.

— Метафора: Вода как древняя, забытая сила, пытающаяся вернуть себе то, что однажды было её.

— Магия: Город разговаривает с Водой; уличные фонари светятся под водой, как звёзды — это души домов, не желающих покидать землю.

Когда в Риге ещё звенели фабричные гудки, а трамваи гремели по утренним улицам, жил был маленький мальчик по имени Алисюк. Во время дождя он всегда ходил по улицам в резиновых сапогах, держась за руку своего дедушки по папе — Вилюса. Все звали его Дядюшка Вилюс.

Каждый вечер дедушка рассказывал Алисюку сказки. Не простые — рижские. Такие, которых больше нигде не услышишь.

— Знаешь, Алисюк, — сказал дедушка, поправляя свой старый берет, — у города Риги есть один страшный секрет. Очень древний. Он звучит так: «Как только город Рига будет достроен, его поглотят воды».

— А что это значит? — спросил мальчик, из-за возникшего страха прижимаясь к дедушке.

— Это значит, что город всё время строят, но никогда не достроят до конца. Иначе — придёт Вода. Не просто дождик, не лужа, а настоящая старая стихия — Великая Вода. Она живёт в Даугаве, в каналах, прудах и озёрах города, и всё ждёт своего часа...

И вот однажды, словно вторя словам дядюшки Вилюса, в начале ноября, когда листья ещё не долетели до земли, но ветер уже выл как волк, в Риге началась самая странная история из всех.

В ту ночь ветер пришёл с Севера, со Скандинавии. Он нёсся над морем и гнал волну за волной прямо на город. Рига спала, а Вода проснулась.

— Сегодня? — шептала она, поднимаясь по руслам и по каналам. — Сегодня мой день?

Маленький Алисюк проснулся от грохота. На улице было ещё темно, и свет фонарей дрожал в лужах. Он услышал, как бабушка закричала: «Скорей, мама на работе! Надо её встретить!»

И они с ней вдвоём вышли навстречу.

Ветер пытался вырвать у бабушки зонт, а её плащ так трепетал, словно хотел взлететь. Они шли по узкой перемычке вдоль старого канала, где когда-то плавали утки, а теперь вода казалась чёрной и бесконечной, даже на тротуаре. Резиновые сапоги Алисюка разгоняли эту воду каждым шагом на пути к спасению мамы.

— Смотри! — закричал вдруг Алисюк. — Мама!

И действительно — вдали, через вихрь и шум воды, шла женщина в болоньевом плаще, свет её сам находил в рассветной темноте. Она шагала, будто знала: её ждут. Казалось, тянулась к ним по самому краю реки времени.

— Великая Вода сегодня обманулась, — сказал потом дедушка. — Она думала, что город достроен. Но не учла одного: в Риге живут сердца. А пока они бьются, город будет строиться. И значит — ещё не время.

## Сказка вторая: Как ягоды спасли рынок

*Посвящается всем, кто когда-либо стоял с ведром или плошкой смородины у весов, надеясь, что кто-то улыбнётся.*

- Место: Центральный рынок и берега Даугавы.
- Тема: Продажа фруктов, овощей, ягод с дачи.
- Метафора: Ягоды и зелень как спасители города от «заплесневевшей скуки».
- Магия: Однажды у продавщицы крыжовника пропадает ведро с ягодой, и сын идёт искать его между ангаров, где находит невидимый рынок духов урожая.

Есть на свете особые субботы. Такие, когда солнце встаёт не с востока, а прямо из чайника на плите. Когда мама говорит: «Поехали», — а ты ещё не знаешь, куда, но уже чувствуешь — будет день, который останется навсегда.

Такой день был в июле. Тогда Рига ещё спала, но было уже светло, короткие ночи ещё не закончились. Вороны у Даугавы бодрствовали, а грузчики на Центральном рынке кричали друг другу сквозь рассвет, как будто пели песню, понятную только им.

— Поехали, — сказала мама, поправляя косынку. — Все ягоды расфасованы.

Ягоды. Целое лето ради них — ползать на даче, царапать руки о колючки, отгонять ос и слепней и смеяться, когда банка падает в траву. А потом — сдавать. На рынок. Чтобы купить ботинки. Или пальто. Или просто потому, что так делали все.

— Слушай, Алисюк, — говорил дядюшка Вилюс, — рынок — это живое существо. Он дышит. Он чувствует. Он знает, у кого ягода настоящая, а у кого привозная.

— А если привозная вкуснее?

— Всё равно не своя. А рынок — он своих бережёт.

В тот памятный день всё пошло не по плану. Утро было душным. У старого павильона с фруктами толпились покупатели. Весы капризничали. И вдруг — наше ведро крыжовника пропало. Целое ведро. Из-под прилавка.

— Украли, — сказала мама тихо и тяжело вздохнула.

Но мальчик знал: не украли. Он видел. Что-то мелькнуло между фур, как тень, как запах варенья, как... голос.

Алисюк пошёл искать. Между прилавков, сквозь арки, вдоль рыбы и первых яблок. И там, у самых задних дверей, где пахло солёным и маринованным и чуть-чуть дождём, он увидел её. Старушка. Маленькая, как семечко. Сидела на ящике, а перед ней — их ведро.

— Ты не бойся, — сказала она. — Я не воровка. Просто рынок позвал. Он сказал: есть мальчик, который верит, что ягоды — это не товар, а послание. И мне стало интересно.

Она протянула Алисюку левую ладонь. На ней лежала одна-единственная крыжовина. И она блестела, как изумруд, как память, как обещание.

— Возвращай ведро: смотри — оно полное, только без этой ягодки зелёного крыжовника. И скажи маме — рынок тебя помнит. Он тебя всегда будет помнить, он не колючий как эта ягода.

Потом мама продала ягоды. И крыжовник, и смородину и, конечно, клубнику. Им хватило и на ботинки, и на разное варенье, и ещё осталось.

А мальчик каждый раз, проходя мимо старого павильона, чувствовал, как воздух становится слаще. Как будто рынок улыбался.

— Видишь, — сказал дядюшка Вилюс, — ягоды спасли рынок. А может, и наоборот. Потому что, пока есть люди, которые не стесняются своих рук и запаха смородины или крыжовника, Рига ещё не забыта. А значит — жива.

Так и живёт сказка. В тетрадках с пятнами варенья. В весах, которые скрипят от честности. В гербариях и коробках, где осталась пара листочков смородины. И если однажды на рынке вам покажется, что кто-то подмигнул из-за тыквы, не бойтесь. Это просто рынок вас узнал.

## Сказка третья: Песенная поляна и зоопарк теней

*Посвящается всем, кто хоть раз пел хором под открытым небом  
— даже если это под дождь и с одним слушателем в кустах.*

- Место: Межапарк, Кишозеро, зоопарк.
- Тема: Семейные пикники, Праздники песни.
- Метафора: Голос человека может пробудить деревья и животных.
- Магия: На Празднике песни мальчик слышит, как животные в зоопарке начинают петь на латышском, и только он их понимает.

Есть на свете такие песни, которые поются даже тогда, когда никто не поёт. Они в шорохе листвы, в тишине перед грозой, в дыхании на морозе. Просто мы не всегда умеем их слышать. А дядюшка Вилюс — умел.

— Слушай, Алисюк, — говорил он, глядя на холмы Межапарка, — Праздник песни — это не просто концерт. Это когда сама земля начинает петь. А вместе с ней — всё, что на ней живёт. Даже звери.

- Какие звери? — рассмеялся внук.
- Все. Просто люди забыли их слушать.

Это случилось летом. Большой Праздник песни готовился вовсю. На эстраде в Межапарке репетировали школьники и хоры, дирижёры размахивали руками, как птицы, а вокруг всё цвело и пело.

Но за день до открытия пошёл дождь. Потом ещё. И ещё. Земля размокла, динамики замкнуло, сцена накренилась.

— Придётся отменить, — сказали серьёзные люди. — Иначе провалимся в грязь.

А ночью мальчику приснился лес. В нём сидели звери. Не страшные, а настоящие: лисица в венке, барсук в шарфе, ёж с гармошкой.

— Мы всегда приходим на этот праздник, — сказал лось: — но теперь нас не пускают. Потому что люди забыли, что это наш праздник тоже.

- Я ничего не могу сделать, — сказал Алисюк.
- Ещё как можешь! — сказали звери. — Ты умеешь петь от сердца. Попробуй!

Утром Алисюк отправился на песенную поляну в Межапарк, благо от улицы Патверсмес было относительно недалеко. Сначала один. Потом к нему присоединились друзья. Потом подошли учителя. Потом бабушка, мама и папа. А потом — хор.

И когда они запели прямо на мокрой траве, когда голоса поднялись к небу — дождь вдруг стих. Из кустов выглянул заяц. А потом — лисица. А потом весь лес, весь-весь парк наполнился вниманием. И никто не испугался.

— Праздник состоялся, — сказал дядюшка Вилюс. — Потому что пели не ради сцены, а ради памяти. А звери... Звери всегда помнят.

Так и живёт сказка. В эхе, которое задерживается в ветвях. В лужах, где отражаются венки. В нотах, записанных на обратной стороне программки.

Если однажды, проходя по Межапарку, вы услышите, как кто-то мурлычет вашу любимую песню, — не бойтесь. Это просто лось поёт. Он ведь тоже репетировал.



## Сказка четвёртая: Поезд-призрак и платформа №44

*Посвящается всем, у кого были и есть свои электрички.*

*Автору на таких своих осенью за грибами и ягодами удалось часто попутешествовать. За сезон мы успевали 3—4 раза минимум за осенним лесным урожаем сгонять. Сначала отправлялись со станции Саркандаугава («Красная Двина», если по-русски), а когда переехали в Пурвциемс — со станции Ошкални рядом с РВЗ.*

- Место: Станция Ошкални, Воздушный мост, улица Георга Гайлиса, РВЗ.
- Тема: Память и путешествия.
- Метафора: Электричка как портал в потерянное время.
- Магия: За рельсами — путь к тем, кого давно нет.

Где-то за цехами РВЗ, между линиями времени и рельсами воспоминаний, иногда появляется поезд, которого нет в расписании...

Если идти ранним утром от улицы Георга Гайлиса по улице Иерикю, шаг за шагом вдоль ещё спящей Риги, мимо кустарниковых посадок, деревянных заборов и скрипучих балконов, можно дойти до станции Ошкални. Эта станция была как ворота в другое измерение — туда, где пахло сосной, мхом и грибами.

Осенью папа будил мальчика до рассвета. Они шли пешком на станцию, неся с собой лукошки, бутерброды с яйцом и колбасой, и конечно же термос с чаем.

Хотя мы её всегда ждали после покупки билетов в ж/д кассе станции, наша электричка приходила неожиданно, с металлическим скрежетом. После посадки в неё, иногда с трудом, из-за наплыва таких же грибников, как и наши герои, всякий раз она проезжала мимо знакомых цехов РВЗ. Стены их были мрачного окраса, но за ними строили настоящие рижские поезда, известные во многих городах и весях, — тяжёлые, красивые, гудящие, как огромные механические коты и чаще всего цвета свежей зелёной травы.

Но Алисюк знал, что есть ещё один, другой поезд. Его невозможно было увидеть просто так.

— Он приходит, когда город засыпает, — говорил дядюшка Вилюс. — Не по графику. Не по приказу. А по памяти.

Этот поезд никогда не объявляли по громкой связи. Он скользил сквозь туман — тихо, будто сны, и останавливался там, где никто не ждал: на платформе номер сорок четыре, которую никто не строил, но которую все помнили.

— Он везёт тех, кто опоздал в прошлое, — шептал дядюшка внуку. — Кто не успел попрощаться. Кто не смог сказать «прости». Кто потерял кого-то, но всё ещё надеется.

Алисюк однажды увидел этот поезд во сне. Он стоял на знакомой платформе Земитани, но она была странной: заросшей, чуть светящейся, будто бы вырезанной из старой фотографии. Вокруг — люди в плащах, с чемоданами, без лиц, но с сердцами, полными имён. Издалека — гудок. И поезд входил в сон, как память входит в душу — медленно, но навсегда.

Проснувшись, мальчик услышал, как вдали что-то прогрохотало. За окном — рассвет и туман. Он снова подумал о грибах, о чае в термосе, о папе, о цехах РВЗ, о тех электричках, что везли их к лесам, где звенел сентябрь. И вдруг понял — может быть, каждый такой путь за грибами был не просто прогулкой. А проверкой памяти. Той самой памяти, которая в один день, когда будет нужно, откроет тебе двери платформы номер сорок четыре.

Если вы когда-нибудь окажетесь у РВЗ или на станции Земитани, и вдруг услышите глухой гудок в тумане — не пугайтесь. Может быть, это просто утро. А может быть — приглашение. Иногда, чтобы попасть в прошлое, нужно всего лишь сесть не в тот поезд — но с правильным сердцем.

## Сказка пятая: Как дядюшка Вилюс подслушал разговор станков

*«На заводе, где в своё время рождались самолёты, радиоприёмники и сны, даже станки умели разговаривать — но только с теми, кто слушал сердцем».*

*(из записей дядюшки Вилюса)*

- Место: Завод ВЭФ.
- Тема: Родители работают, первая работа.
- Метафора: Даже машины помнят умелые руки.
- Магия: Старый токарный станок поёт песни, которые слышал от рук отца.

Рига — город с эхом. Здесь каждое здание что-то помнит, и каждое эхо знает, откуда оно взялось. Но особое эхо жило за забором завода ВЭФ — того самого, где пахло оловом, паяльником и электроникой будущего.

— Этот завод не всегда был таким, — однажды сказал дядюшка Вилюс своему внуку. — Раньше, ещё до революции, он звался «Унион» и собирал аэропланы. Представляешь? Самолёты! В Риге! На Балтийском ветру они поднимались, словно чайки.

— Правда?

— А потом пришло время приёмников. И началась эпоха голосов издалека.

В советское время ВЭФ стал городом в городе. Там было всё: столовая, прогрессивная, между прочим, библиотека, фотолаборатория, свой Дом культуры и даже своя баскетбольная команда! Но главное — были станки. Много станков. Каждый — с характером. Старые советские, немецкие довоенные, и даже новенькие японские, у которых ещё не выветрился запах упаковки.

Повзрослевший мальчик устроился туда летом подрабатывать. Он мыл полы, помогал мастерам и слушал, как собирают радиоприёмники «ВЭФ» — гордость завода. А ещё — легендарные «Спидолы», по которым весь Союз ловил голоса Европы и Америки.

И вот однажды, когда цех опустел, мальчик задержался. В старом корпусе, где окна были в пыли, а свет лился косо, он вдруг услышал: «Тик... тик... щёлк... вжжж...»

Станки. Они разговаривали.

— Помнишь её? — басовито сказал один, старый фрезерный, с шрамом на корпусе. — Маленькая, быстрая. Всегда слушала музыку, пока работала.

— Да... она паяла «Спидолы» лучше всех, — отозвался сверлильный.

— А он, металл для плат как резал и гнул, сильный! Даже медаль от первого начальника республики получил, — присоединился токарный. — Газеты этот момент сохранили.

— А мальчишка? Их сын. Всё приходил и приходил, пытался заглядывать в высоченные в окна...

Алисюк замер. Это был он. Они говорили о его матери, отце и о нём.

И тут включился ещё один станок — самый старый, с бронзовой табличкой: «UNION, 1912».

— Аэропланы... — прошептал он. — Вы этого не знаете, вы молодые. Мы делали аэропланы. Раньше. Это теперь — радиоприёмники. Но в каждом винте, каждом разъёме и в каждой плате — частичка души самолёта, частичка воздуха.

Позже дядюшка Вилюс объяснил внуку: «Завод — это не просто цеха. Это живое существо. Оно помнит, кто работал с душой. Неважно, строишь ты самолёт или паяешь приёмник — если вкладываешь себя, станки это запомнят. И однажды — заговорят».

— И вот ещё что. Не зря тебя тянет к местам, где когда-то жили самолёты, внучек. Генетическая память. Твой дедушка — однажды один из первых литовских асов аэропланов. Но это совсем другая история...

Если будете проходить мимо старого здания ВЭФ, и вдруг услышите в вечерней тишине лёгкое щёлканье, похожее на тиканье часов — не пугайтесь. Это просто станки проверяют, всё ли на месте. Или — вспоминают тех, кто работал честно. Кто слушал музыку в наушниках или из динамиков и верил, что радиоволны могут соединять людей.

Вдруг и вас вспомнят. Кто знает?

## Сказка шестая: Башня, которая считала шаги

*«Иногда, если идти по улицам Риги слишком долго, можно услышать, как за тобой кто-то считает шаги. Это не шпион. Это Башня Рижского замка. Дыхание Старой Риги».*

*(из записей дядюшки Вилюса)*

— Место: Башня Рижского замка, у набережной Даугавы.

— Тема: Одинокая память и незримая связь между прошлым и настоящим.

— Метафора: Башня как старый сторож, который всё видит, всё помнит и всё считает.

— Магия: Башня умеет считать шаги всех, кто проходил мимо, и запоминает, кто вернулся. Иногда она отзывается только тем, кто идёт не по делам, а по сердцу.

В каждом городе есть своя молчаливая стража. Кто-то скажет — это камеры видеонаблюдения. Кто-то — полицейские. Но в Риге, если спросить дядюшку Вилюса, он ответит: «У нас за порядком следит Башня».

— Какая ещё башня?

— А вот слушай...

Между набережной 11 ноября и Замковой площадью, среди домов Старого города, похожих на забытые ноты старой песни, возвышается Башня. Не телевизионная. Не церковная. Не часовая. А такая, которую вроде бы никто не строил. Она просто была всегда. Её не видно с улицы, только когда выйдешь на набережную Даугавы ближе к порту. Зато, когда ты там, и голову поднимать не надо. Эта угловая башня с флагами — словно кирпично-каменная бочка, когда-то с ржавыми слуховыми окнами и железной лестницей, будто змеей, вьющейся вверх.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.